

ВЕСТНИК

РУССКОЙ
ХРИСТИАНСКОЙ
ГУМАНИТАРНОЙ
АКАДЕМИИ

2009
том 10
выпуск 3

*Издается
с 1997 г.*

Научный журнал

*Выходит
4 раза в год*

Издательство
Русской христианской гуманитарной академии
Санкт-Петербург

Журнал является научным изданием
Русской христианской гуманитарной академии.
Издается с 1997 г. С 2009 г. выходит 4 раза в год.

Главный редактор

Д. В. Шмонин

Зам. главного редактора

А. А. Ермичев

Редакционная коллегия:

Е. Г. Андреева, Д. К. Бурлака, Т. В. Ермакова, К. Е. Нетужилов,
П. Ю. Нешитов (*отв. секретарь редколлегии*), О. Е. Иванов,
М. В. Руднева, Р. В. Светлов, Т. Ф. Фадеева, А. А. Хлезов

Вестник Русской христианской гуманитарной академии.
2009. Том 10. Вып. 3.— СПб.: Изд-во РХГА, 2009.
ISSN 1819–2777

Печатается при финансовой поддержке
Комитета по науке и высшей школе
Правительства Санкт-Петербурга

СОДЕРЖАНИЕ

МАТЕРИАЛЫ ВТОРЫХ ВОСТОКОВЕДНЫХ ЧТЕНИЙ ПАМЯТИ О. О. РОЗЕНБЕРГА (РХГА, 11–12 ноября 2008 г.)

Из истории российского востоковедения

Воробьева-Десятовская М. И. «Великие географические открытия» русских ученых в Центральной Азии	7
Рудой В. И. Вклад классиков Санкт-Петербургской буддологической школы в теорию источниковедения: подходы, методы и методики	23
Ермакова Т. В. Вклад учеников академика ф. И. Щербатского в развитие буддологических исследований	39
Четырова Л. Б. Буддизм в России: прошлое и настоящее	50

Философия и культурология Востока

Колесников А. С. Возможна ли интеркультурная философия?	59
Бурмистров С. Л. Учение Сурендранатха Дасгупты о культуре	71
Островская Е. П. Комплексное исследование «Абхидхармакоши»: реконструкция категорий буддийской культуры (1980–2000-е годы)	84
Харькова Е. Ю. Десять классических наук в тибетобуддийской культуре	97
Кий Е. А. Дискуссия об инфернальных формах существования в «Вимшатике» Васубандху	109

Религиозные традиции Дальнего Востока

Рысаков А. С. Конфуцианство как духовная традиция	120
Толстоулаков И. А. Модернизационные мотивы в деятельности корейского религиозного общества Тонхак	131
Филонов С. В. «Хочу служить я <i>шидичэнем</i> в Рассветном дворце императорском...» (некоторые аспекты даосской концепции <i>сяня-небожителя</i>)	141

Общественная мысль и практика в странах Востока

Шомахмадов С. Х. Буддийская концепция власти согласно теократической доктрине Нитирэна	155
Лепехов С. Ю. Буддийская цивилизация и парадигма открытого общества	161
Прокуденкова О. В. Институционализация русско-индийских культурных связей во второй половине XIX — начале XX века	173
Островская Е. А. Транснациональная буддийская коммуникативная сеть: менеджмент религиозного конфликта	185

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ

<i>Шугуров М. В.</i> Научная рациональность и христианская мистика: от дивергенции к диалогу	198
<i>Емельянов В. В.</i> Уровни реконструкции древней религии (на примере Месопотамии)	215
<i>Кикнадзе Д. Г.</i> «Чудо, сотворенное святым отшельником»: рассказ из памятника средневековой литературы XIII века «Рассказы, собранные в Удзи»	222

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Платонополис — 2009 (<i>П. Нешитов</i>)	228
Историко-методологический семинар «Русская мысль» на базе Русской христианской гуманитарной академии (<i>Н. Румянцева</i>)	230
Современный философский журнал «Хора» (Курск)	233
Памяти Валерия Исаевича Рудого	235
Наши авторы.	238
Аннотации.	240

МАТЕРИАЛЫ ВТОРЫХ ВОСТОКОВЕДНЫХ ЧТЕНИЙ ПАМЯТИ О. О. РОЗЕНБЕРГА (РХГА, 11–12 ноября 2008 года)

Из истории российского востоковедения

М. И. Воробьева-Десятовская

«ВЕЛИКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ» РУССКИХ УЧЕНЫХ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Сегодня мы будем говорить о Центральной Азии первого тысячелетия н. э. Мы обратимся к этому региону и с географической точки зрения, и с исторической, и как к совокупности культур и верований. Вопрос о том, что мы будем понимать под Центральной Азией, в историческом плане довольно важен. Ведь есть еще термин Средняя Азия, и в западной литературе очень часто эти названия смешивают. Среднюю Азию русские и западноевропейские ученые в XVIII и даже еще в XIX в. называли «Большой Бухарией», а земли к востоку от неё — «Малой Бухарией». Название Туркестан, позднее принятое для обеих «Бухарий», во многом было условным, поскольку не употреблялось местными жителями. Только в 1829 г. Н. Я. Бичурин предложил внести ясность в этот вопрос: земли Средней Азии получили в науке название Западный Туркестан, а земли к востоку от него — Восточный Туркестан. Так Восточный Туркестан попал в сферу Центральной Азии. Но исторические судьбы территорий, расположенных вокруг Восточного Туркестана, позволяют нам расширить понятие «Центральная Азия» и сравнить его с понятием «Greater India» в истории культуры Востока, под которым стали понимать все области, на которые распространилось влияние индийской культуры. Так что же мы сегодня будем понимать под названием Центральная Азия? Речь пойдет об огромной территории, охватывающей Восточный Туркестан, Монголию, Тибет, Северо-Западный Китай. История связала эти регионы воедино. Русские путешественники, географы, историки, археологи, ботаники и зоологи, языковеды прошли здесь свой путь открытий сообща, географическая карта Центральной Азии заполнилась благодаря их тяжкому и полному опасностей труду.

Невозможно рассказать о всех путешествиях и всех открытиях. Мы остановимся только на самых значительных, результативных, признанных во всем мире.

О каждом из русских ученых, занимавшихся Центральной Азией, можно написать и серьезное научное исследование, и захватывающий роман, настолько интересен был их путь первооткрывателей. Мы же вынуждены остановиться на чем-то среднем: одновременно рассказывать и о творческом пути ученых, и о значении их открытий.

Но прежде всего скажем несколько слов об истории и культуре этого региона и о путях, издревле связывавших его с Ближним Востоком, Средиземноморьем и Европой.

К началу европейских и русских исследований в Центральной Азии этот регион имел уже колоссальную историю. Сюда приходили и отсюда уходили разные народы, одни культуры исчезали, другие возникали вновь. Народы, издревле населявшие эти территории, давно уже перестали существовать. На их месте возникали конгломераты кочевых племен, напоминавшие могущественные государства, покорявшие и частенько ассимилировавшие коренное население. Происходили настоящие этнические катастрофы, значительно более страшные, чем те, свидетелями которых мы являемся в наши дни. Судьбы целых народов сложились трагически: их цивилизации погибли под копытами коней кочевников, по многу раз топтавших плодородные некогда земли. Смена племен и народов на территории Центральной Азии напоминает калейдоскоп, за ним трудно уследить и еще труднее рассказать в короткой, по необходимости, статье.

История Центральной Азии начинается с глубокой древности. Учеными установлено, что в середине третьего тысячелетия до н. э. на территорию Восточного Туркестана пришло племя, говорившее на одном из древнейших индоевропейских языков, сходном с языками древнеиндийских ариев и иранцев эпохи Авесты. Восточный Туркестан при взгляде на карту имеет форму удлинённого клина, расширяющегося к востоку (35–43° с. ш. — 72–90° в. д.), — это огромная котловина, окруженная со всех сторон горами Азии. Племена, пришедшие сюда первыми, должны были проделать длинный и сложный путь, преодолев эти горные преграды. Впоследствии эти племена получили в науке название «тохары», а их язык — «тохарский». Пришли ли тохары сюда через Индию и Иран раньше, чем индийские и иранские арии, а потом так и остались здесь, или они заселили территорию Восточного Туркестана позднее, уже из Индии и Ирана, до сих пор наукой не доказано, равно как однозначно не определена исходная точка движения арийских племен на восток. В более позднее время тохары заняли северные оазисы Восточного Туркестана — Турфан, Карашар, Кучу. Но лингвисты находят следы пребывания тохарских племен и в южных оазисах Восточного Туркестана.

В первых веках до н. э. южные оазисы Восточного Туркестана были заселены восточно-иранскими племенами — саками, согдийцами, бактрийцами, а также выходцами из Индии. Точнее время их прихода на эту территорию до сих пор не установлено.

Какими письменными источниками располагают историки для описания древней Центральной Азии? Во-первых, греческими и латинскими источниками, во-вторых — китайскими. Мусульманские источники относятся к более позднему периоду, начиная с X в. н. э. На территории самого Восточного Туркестана в первом тысячелетии н. э. были созданы памятники на многих языках народов, проживавших на этих землях, но они главным образом связаны с религиями, распространенными среди местных народов, прежде всего с буддизмом, но также и с манихейством, зороастризмом и христианством. Во второй половине первого тысячелетия появились древнеуйгурские и древнетюркские памятники, однако эта группа памятников стала достоянием ученых только в XIX–XX вв. н. э.

В греческих источниках Восточный Туркестан под названием «Серинда» впервые встречается в 554 г. н. э. у Прокопия Кесарийского, который составил «Историю войн Юстиниана с персами, вандалами и готами», происходивших в 552–553 гг. н. э. Золотые монеты Юстиниана, найденные археологами, отметили собой дорогу, по которой

из Средиземноморья торговцы и купцы попадали в Турфан и далее в Китай. Легенда о том, что шелковичные черви были завезены в Грецию именно при Юстиниане, дала название этой дороге — «Шелковая» — так появились зафиксированные в письменных источниках сведения о «Великом Шелковом Пути», который из Средиземноморья приводил в Китай, Индию и Японию. Согласно греческим письменным источникам, путь начал функционировать более или менее постоянно с 119 г. н. э. «Сериндой» греки называли страну, расположенную к северу от Индии. В обе стороны по этому пути шли караваны торговцев: они продавали, но чаще обменивали китайский шелк, восточные пряности, изделия из нефрита на средиземноморские стеклянные изделия, которые на Востоке очень ценились. «Великий Шелковый Путь» не был караванной дорогой в нашем понимании этого слова — дорогой, ведущей от одного города до другого. Дороги не было совсем, купцам было известно только направление движения от одного колодца до другого, а вокруг простиралась знойная пустыня, и зыбучие пески моментально заметали все следы. Далее на пути возвышались высоченные горы, чтобы перевалить через них требовались немалые мужество и сила. Животные срывались в пропасть, купцы тащили вьюки товаров на своих плечах. Тропы были такими узкими, что по ним не мог пройти даже ишак, не говоря уже о верблюде.

Какой бы путь ни выбирали торговые караваны, они обязательно проходили через Восточный Туркестан. Так было вплоть до монгольского завоевания, когда орды Чингис-хана на долгое время перекрыли эти торговые потоки.

Но не только товары двигались по «Шелковому Пути». Вместе с купцами на Восток попадали духовные и культурные ценности: ремесленники, живописцы, поэты, наконец, представители религиозных верований черпали новые идеи, навыки, представления о западных науках и искусстве, вырабатывались правила общения и взаимопонимания. Тонкая шелковая нить привела к взаимопроникновению культур.

В течение всего первого тысячелетия н. э. культурное единство Восточного Туркестана обеспечивал буддизм и влияние индийской культуры, сопровождавшее продвижение буддизма из Индии на север и далее, в районы Китая, Кореи, Японии. Древнеиндийский язык санскрит и среднеиндийские языки — пракриты — получили широкое распространение в Восточном Туркестане благодаря буддийским текстам. Буддийские тексты представляли собой, главным образом, «сутры» — популярное изложение буддийской догматики, вложенное в уста основоположника учения — Будды Шакьямуни. Среди текстов были и философские, так называемые «абхидхармические». «Абхидхарма» в переводе с санскрита буквально означает «сверх-Дхарма», т. е. высшая ступень Дхармы, Дхармой же называлось само буддийское учение. Широкое хождение в Восточном Туркестане имели также дисциплинарные тексты — «Виная». Они определяли правила поведения монахов в буддийских монашеских общинах, густой сетью покрывавших оазисы Восточного Туркестана и Средней Азии. Поклонниками учения Будды были и миряне, т. е. местные домохозяева, проживавшие в своих домах и занимавшиеся хозяйственной деятельностью. Они читали, изучали, запоминали, переписывали буддийский канон — так называемую «Трипитаку», или, в переводе с санскрита, «Три корзины [мудрости]». «Трипитака», как видно из ее названия, состояла из трех указанных выше разделов: Сутр, Абхидхармы и Винаи. Уже с III в. н. э. буддийский канон на территории Восточного Туркестана и Северо-Западного Китая начали переводить на местные языки — китайский, хотаносакский, тохарские. Позднее буддийские тексты с санскрита и с китайского языка стали переводить на согдийский, старо-уйгурский и тибетский языки. Бесписьменные

народы Восточного Туркестана восприняли древнее индийское письмо брахми, приспособив его для нужд своих языков. Большой популярностью среди местного населения пользовались также индийские медицинские и астрологические тексты. Распространился двенадцатилетний календарный цикл, восходящий ко времени протоиндийской древности.

Справедливости ради следует упомянуть, что буддизм наслонился на местные религиозные культы, шаманские по своей природе; местные верования в духов гор, рек, лесов и др. продолжали с успехом уживаться с учением Будды.

Оазисы, разбросанные по всей территории Восточного Туркестана, между пустынь и гор, в первых веках н. э. постепенно превратились в самостоятельные миниатюрные государства. В Хотане, Кашгаре, Турфане и Куче население говорило на индоевропейских языках — индийских, иранских, тохарских (их было два — тохарский А и тохарский Б). Анализ письменных памятников этой эпохи свидетельствует, что на территории Хотана проживала и группа прототибетских племен, следы языка которых прослеживаются в индо-европейском субстрате индо-иранцев. Именно в этот период в античной литературе появились первые описания той страны, которая у купцов именовалась «Сериндой», а впоследствии была названа Сериндией. Это название в науке сохранилось до сих пор.

Для России настоящее изучение Центральной Азии практически началось с середины XIX в. В 1845 г. в Петербурге было основано Императорское Русское Географическое Общество. Основными задачами, которые оно ставило перед экспедициями, были изучение географии, съемка карт, фиксация путей сообщения, описание рек, гор, горных перевалов. Важное место занимали также этнографические изыскания и учет древних археологических памятников.

Внутренняя Азия с этих точек зрения продолжала оставаться почти неизученным регионом земного шара. Поэтому вскоре экспедиционные исследования Восточного Туркестана, Тибета, Монголии, Северо-Западного Китая стали основным направлением деятельности Русского Географического общества.

Первой поездкой в Центральную Азию с научными целями стало путешествие в Кашгар казахского ученого Ч. Ч. Валиханова в 1858–1859 гг, который занимался в основном археологическим обследованием и сбором древних рукописей. Он был первым, кто обратил внимание на развалины буддийских памятников и пещерных монастырей в Восточном Туркестане.

Список русских экспедиций в Центральную Азию столь велик, что мы перечислим только важнейшие, подробно остановимся на самых значительных из них, заполнивших белые пятна на карте Центральной Азии и составивших славу русской науки.

Поистине великим русским путешественником был Н. М. Пржевальский (1839–1888), совершивший четыре центральноазиатские экспедиции. Ему, ученому и путешественнику, принадлежит главная заслуга в подготовке научного исследования Центральной Азии.

Ботаник Ф. Э. Регель в 1878–1879 гг. посетил Кульджу и Турфан.

«Путешествие по Восточному Туркестану, Кунь-Луню, северной окраине Тибетского нагорья и Чжунгарии» — так назвал свою книгу другой путешественник — М. И. Певцов (1843–1902), который фактически продолжил пятую незавершенную экспедицию Пржевальского в 1889–1890 гг. В этой экспедиции приняли участие сподвижники Пржевальского, его помощники В. И. Роборовский и П. К. Козлов, впоследствии прославленные путешественники, руководители самостоятельных экспедиций.

Г. Е. Грум-Гржимайло (1860–1936) в 1889 г. обследовал северные районы Восточного Туркестана.

Об экспедиции В. И. Роборовского (1856–1910), проведенной им самостоятельно после поездок с Пржевальским и Певцовым, необходимо упомянуть как одной из первых, во время которых ученые прошли через важнейший буддийский памятник Центральной Азии — монастырский пещерный комплекс Дуньхуан и привезли 4 ценные рукописи (согдийские и старо-уйгурские).

Едва ли не самой интересной и результативной стала экспедиция П. К. Козлова в Хара-Хото, о которой мы расскажем позднее. Она открыла миру забытую цивилизацию тангутов, народов, населявших государство Си Ся в Северо-Западном Китае, погибшее в XIII в. под копытами монгольских орд Чингис-хана.

Одним из самых важных открытий конца XIX — начала XX в. безусловно стало открытие индоевропейской цивилизации первого тысячелетия н. э. на территории Восточного Туркестана. Этим русская наука обязана в первую очередь генеральному консулу Кашгара, ученому и дипломату Н. Ф. Петровскому (1837–1908). Именно он подал в Российскую Академию наук докладную записку о необходимости обследовать восточнотуркестанские древности. Его имя стоит рядом с именем академика С. Ф. Ольденбурга, неперменного секретаря Российской Академии наук, ученого-индолога, филолога, археолога, буддолога, который сразу же понял всю важность открытий Петровского и превратил исследование древних памятников Восточного Туркестана в международное предприятие. Именно он обследовал важнейшие памятники Восточного Туркестана и Дуньхуан.

Но прежде чем Ольденбургу удалось отправиться в свои экспедиции — царское правительство не давало денег,— по плану, составленному Ольденбургом, в 1898 г. северные оазисы Восточного Туркестана обследовала экспедиция Д. А. Клеменца (1848–1914). В результате интенсивной работы экспедиция привезла в Петербург большую коллекцию памятников искусства и предметов материальной культуры, которые ныне хранятся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого, в Петербурге. Привез Клеменц и несколько древних рукописей — уйгурских и санскритских, которые составили часть центральноазиатской коллекции рукописей Азиатского музея Института восточных рукописей Российской Академии наук (ИВР РАН). Клеменц открыл эру собственно археологических экспедиций в Восточный Туркестан. Сам он скромно называл свою экспедицию рекогносцировкой.

На основе данных, полученных этой экспедицией, в январе 1900 г. трое русских ученых — Н. И. Веселовский, С. Ф. Ольденбург и сам Клеменц подали записку в Восточное отделение Русского Географического Общества, в которой они доказывали необходимость организации новых экспедиций в Восточный Туркестан. К тому времени они располагали и картами Восточного Туркестана, составленными Н. Ф. Петровским. На картах были обозначены места, заслуживающие серьезного археологического обследования, дороги, ведущие к этим памятникам, и расстояния в днях пути. Карты не опубликованы и хранятся в ИВР РАН. Авторы проекта предлагали организацию двух экспедиций, во время которых должно было производиться изучение памятников искусства, сохранившихся в развалинах, археологические раскопки, приобретение у местного населения старинных рукописей, монет — всего, что могло дать представление о древней культуре оазисов Восточного Туркестана.

«Записка» после обсуждения на заседании Восточного Отделения была направлена в Министерство финансов. Однако вскоре был получен отрицательный ответ:

«Г-н Министр финансов не нашел возможным ассигновать ныне суммы, просимые Императорским Русским Археологическим Обществом на Турфанскую экспедицию»¹. В 1899 г. на Международном конгрессе востоковедов в Риме В. В. Радлов и С. Ф. Ольденбург выступили с докладом о находках в Восточном Туркестане. Сообщение прозвучало как сенсация, и во всех европейских странах были созданы специальные комитеты по археологическому обследованию Восточного Туркестана. По решению Конгресса был учрежден «Международный союз для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях», при этом центральным комитетом Союза должен был стать русский комитет в С.-Петербурге. Через 3 года на XIII съезде востоковедов в Гамбурге был рассмотрен проект устава Союза, составленный русскими учеными. Съезд утвердил устав и поручил В. В. Радлову и С. Ф. Ольденбургу образовать Русский комитет. В Уставе Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии сказано:

«§ 1. Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии имеет целью:

а) Всячески содействовать изучению сохранившихся памятников как вещественных, так и духовных, в соответствующих странах.

б) Путем постоянных сношений с местными деятелями и учреждениями выяснять, какие памятники подлежат скорейшему изучению и какие народности должны быть в ближайшем будущем исследованы в лингвистическом и этнографическом отношениях и, таким образом, спасены для науки. <...>...

г) Наметить планы совместного исследования и обсуждения общих научных вопросов, касающихся всей совокупности народов соответствующих стран».

Комитету было предоставлено право устраивать экспедиции и издавать бюллетень на французском языке. В первый состав бюро Комитета вошли В. В. Радлов, В. А. Жуковский, В. В. Бартольд и Л. Я. Штернберг.

Экспедиции в Восточный Туркестан удалось организовать только в 1905 г.: в Кучу поехал М. М. Березовский, в Турфан — А. И. Кохановский. Обе экспедиции работали в течение двух лет (1905–1907). В 1909 г. П. К. Козлов отправился в свою монголо-сычуанскую экспедицию. Академия наук денег на экспедиции не имела. С. Ф. Ольденбург смог выехать в Восточный Туркестан только в 1909–1910 гг. К этому времени в Восточном Туркестане уже по несколько раз успели побывать экспедиции ученых западноевропейских стран и Японии, которые вывезли оттуда рукописи, скульптуру и даже целые фрески, вырубленные из стен храмов и монастырей. Никакие международные соглашения не помогли: фактически С. Ф. Ольденбурга обманули и не оставили ему ни одного нетронутого памятника². Но еще до своей первой экспедиции С. Ф. Ольденбург провел огромную работу по описанию, дешифровке и введению в научный оборот рукописей, привезенных из Восточного Туркестана другими русскими экспедициями и присланных Н. Ф. Петровским.

Поскольку рукописи, добытые учеными Англии, Франции и Германии, были написаны тем же письмом, на тех же языках, что и те, которые оказались в России, перед учеными всех стран встали задачи по расшифровке письменностей и по определению языков. Лучшие научные силы Европы и России — индологи, иранисты, тибетологи, китайисты, тюркологи — были привлечены к решению этих задач. Из русских ученых

¹ ЗВОРАО.— 1900.— Вып. 1.— С. 36.

² Щербатской Ф. И. Ольденбург как индианист // Ученые записки Института востоковедения АН СССР.— М.; Л., 1935.— С. 26.

в определении письменностей и языков приняли участие, помимо С. Ф. Ольденбурга, Н. Д. Миронов, А. фон Сталь-Гольштейн. В различные годы в работе участвовали европейские и японские ученые П. Пеллио, Э. Шаванн, Л. де ла Валле Пуссэн, М. Сенар, Х. Людерс, Ф. В. Томас, Р. Хёрнле, С. Леви, Х. Масперо, С. Конов, А. Х. Франке, Х. В. Бэйли, В. Б. Хеннинг и др.³

С. Ф. Ольденбургу принадлежит первая в мире публикация одного листа рукописи, присланной в конце 80-х гг. XIX в. из Кашгара Н. Ф. Петровским. Она появилась в «Записках Восточного Отделения Русского Археологического общества» в 1892 г.⁴ Письмо рукописи определено С. Ф. Ольденбургом как наклонное брахми. Этот вариант брахми до тех пор не был известен. В Индии были найдены небольшие фрагменты рукописей, написанных индийским брахми. В Центральной Азии индийское брахми оказалось приспособленным для местных языков и дало две разновидности: вертикальное центральноазиатское брахми, рукописи которого были найдены в Кашгаре и Хотане, и наклонное центральноазиатское брахми, очевидно, распространенное в северных оазисах — в Турфане и в Куче. С. Ф. Ольденбургу удалось прочесть рукопись и установить, что она написана не на санскрите, а на неизвестном до тех пор языке. В течение 1892–1893 гг. от Н. Ф. Петровского были получены свыше 100 листов и фрагментов рукописей, происходивших из Кучи, Курля, Аксу. Среди них — бумажные листы и рукописи на бересте и коже. С. Ф. Ольденбург отдал материал рукописей на химический анализ (был установлен состав бумаги: в основном она была сделана из китайской шелковицы и других местных кустарниковых пород), описана характерная форма рукописей — индийская потхи. В 1893–1903 гг. С. Ф. Ольденбург непрерывно публиковал в ЗВОРАО полученные от Петровского рукописи. Большая часть публикаций состояла из транслитерации текста латиницей и факсимиле. Лишь немногие сочинения, содержащиеся в рукописях, удалось отождествить. Начали издавать свои находки и западноевропейские ученые, в распоряжении которых было значительно больше рукописей. Оказалось, что в Россию и в западноевропейские страны попали листы от одних и тех же рукописей, иногда из одних и тех же сочинений. Шла оживленная дискуссия относительно языков, представленных в рукописях. Было установлено, что помимо санскрита рукописи содержат тексты, написанные на трех неизвестных ранее индоевропейских языках. Один, рукописи которого были найдены преимущественно в Хотане, был определен как восточно-иранский и назван хотаносакским (этим языком, очевидно, пользовались иранцы, утвердившиеся в Хотане с ранних времен. Кочевые племена, говорившие на иранских языках, приходили в Центральную Азию начиная с 1-й половины II тыс. до н. э.). Два других были распространены в оазисах Турфан, Карашахр и Куча. Первую рукопись на одном из этих языков, как уже упоминалось, в 1892 г. опубликовал С. Ф. Ольденбург. В следующем году Р. Хёрнле опубликовал аналогичную рукопись из коллекции А. Вебера⁵, а в 1900 г. Э. Леманн переиздал оба фрагмента вместе с еще одной рукописью из коллекции Н. Ф. Петровского⁶. Неизвестный язык получил название тохарского и был обозначен как тохарский А (язык

³ Bailey H. W. A half-century of Irano-Indian Studies // JRAS.— 1972.— № 2.

⁴ Ольденбург С. Ф. Кашгарская рукопись Н. Ф. Петровского // ЗВОРАО.— Т. VII.— 1982.— С. 81–82. 1 табл.

⁵ Hoernle K. The Weber Manuscripts // JRASB.— 1893.— Vol. 62, pt. 1.

⁶ Leumann E. Über eine von den urbekanntesten Literatursprachen Mittelasiens // M. de l'Acad. Imp. des Sciences de St.-Pb.,— 1900. Sfr. 8.— Т. IV.— № 8.— С. 1–28, 2 табл.

Турфана и Карашахра), язык рукописей из Кучи получил название тохарского Б или кучинского. Оба языка близки между собой и, возможно, представляют различные диалекты. Очевидно, носители этих языков, тохары, так же как и иранские саки, пришли на территорию Восточного Туркестана около II тыс. до н.э., двумя потоками. До первых веков н.э. и тохары, и саки, по всей вероятности, были бесписьменными; письменность индийского происхождения — брахми — была принята ими для фиксации языка вместе с буддизмом и широким проникновением индийской культуры, хотя прямые контакты с индийскими племенами осуществлялись на всем протяжении истории Восточного Туркестана.

Ко второй экспедиции, которая была осуществлена в 1914–1915 гг., С. Ф. Ольденбург готовился уже по-другому. Он наметил себе один определенный памятник, который уже был хорошо известен по литературным источникам и обследован европейскими экспедициями — пещеры Могао, получившие в научных исследованиях название «Пещер тысячи будд» (кит. Цяньфондун; С. Ф. Ольденбург в своих дневниках писал Чан-фо-дун). Памятник был расположен в уезде Дуньхуан провинции Ганьсу. О целях экспедиции, предполагавшей дать комплексное описание и исследование памятника, С. Ф. Ольденбург в докладной записке, которая хранится в Архиве Академии наук, записал следующее: «Найти твердую основу для хронологического определения памятников буддийского искусства Китая и Китайского Туркестана и собрать достаточный материал для характеристики различных стилей этого искусства»⁷. В отличие от тогдашних, особенно германских, археологов, С. Ф. Ольденбург придерживался строгих принципов во время археологических экспедиций: не производить никаких разрушений на обследуемом объекте, ничего не выламывать из стен, не снимать фресок, не увозить скульптуру, все фотографировать, зарисовывать, наносить на кальку, описывать и забирать только то, что само обрушилось от времени или брошено предыдущими экспедициями. В состав экспедиции входили первоклассный фотограф и художник С. М. Дудин⁸, художник В. С. Бикенберг, топограф Н. А. Смирнов, этнограф Б. Ф. Ромберг. Об этой экспедиции, как и о первой экспедиции С. Ф. Ольденбурга, напечатано очень немного. Сам С. Ф. Ольденбург опубликовал всего 3 небольшие статьи⁹. Две статьи — по частным вопросам — издал С. М. Дудин. Дневники и описания пещер долгое время оставались неопубликованными. В настоящее время они изданы в Китае. О маршруте экспедиции и конкретных задачах, поставленных перед участниками, историк востоковедения П. Е. Скачков написал следующее: «Предполагалось составить общий точный план пещер, планы пещер по этажам, разрезы, фасады, произвести фотографирование объектов, снять копии с наиболее важных вещей и по заранее определенной программе произвести возможно более детальное описание пещер. Маршрут экспедиции был: Чугучак — Гучэн — Урумчи — Аньси: — Хами — Цяньфондун (т.е. «Пещеры тысячи будд» в Дуньхуане) и обратно, минуя Дуньхуан, через Хунлююань на Хами»¹⁰.

⁷ Санкт-Петербургский Филиал Архива РАН. Ф. 208. Оп. I. № 188.

⁸ Ольденбург С. Ф. Памяти Самуила Маргыновича Дудина // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. IX. — 1930. — С. 341–358.

⁹ Ольденбург С. Ф. 1) Русские археологические исследования в Восточном Туркестане // Казанский музейный вестник. — 1921. — № 1–2; 2) Пещеры тысячи будд // Восток. — 1922. — № 1; 3) Искусство в пустыне. — 30 дней. — 1925. — № 1.

¹⁰ Скачков П. Е. Русская Туркестанская экспедиция 1914–1915 гг. // Петербургское востоковедение. — 1993. — № 4. — С. 315.

Сейчас в коллекции ИВР РАН насчитывается 386 целых свитков, и около 19 тыс. фрагментов рукописей. Изучение этих рукописей началось в 20-х гг. XX в., однако систематическая работа ведется лишь с 1957 г. Группа под руководством Л. Н. Меньшикова издала 2 выпуска «Описание рукописей из Дуньхуана»¹¹. В списке работ по исследованию материалов из Дуньхуана, привезенных экспедицией С. Ф. Ольденбурга, который составили Л. И. Чугуевский и Л. Н. Меньшиков, около 130 названий¹².

Экспедиция продолжалась до января 1915 г. Все работы пришлось свернуть из-за начала Первой мировой войны. Война помешала изданию материалов экспедиции.

Экспедиции М. М. Березовского в Кучу удалось собрать значительное количество рукописей на санскрите, уйгурском, китайском и тохарском языке Б, а также официальных тохарских документов на деревянных дощечках. Коллекция Березовского хранится в ИВР РАН. В Архиве востоковедов ИВР РАН находится альбом зарисовок, выполненных братом археолога, художником Н. М. Березовским. Это копии стенных и потолочных росписей из развалин буддийских храмов Кучи. Копии сделаны акварелью. Поражают изображения животных, очевидно, украшавших потолок в одном из храмов (все рисунки документированы). К сожалению, Березовские нашли эти рисунки на кусках штукатурки, валявшихся на полу. В настоящее время эта живопись утрачена навсегда.

Среди экспедиций были и этнографо-лингвистические. К ним относятся две экспедиции в Восточный Туркестан будущего ученого-тюрколога — тогда еще молодого аспиранта — С. Е. Малова, направленного для сбора материалов по живым тюркским языкам и диалектам, сохранившимся в Восточном Туркестане. Обе экспедиции — в 1909–1911 и в 1913–1915 гг. прошли очень успешно. Древние уйгурские рукописи, привезенные Маловым, составляют самую ценную часть рукописной коллекции ИВР РАН. Привез он также и древние китайские, хотанско-сакские и санскритские рукописи. Особо следует упомянуть уникальную коллекцию тибетских документов на дереве из района озера Лобнор — один из самых ранних известных науке письменных памятников на тибетском языке (сер. VIII — сер. IX в.). Многие из этих документов до сих пор не введены в научный оборот.

Петр Кузьмич Козлов (1863–1935) участвовал в экспедициях Пржевальского, Певцова, Роборовского и сам совершил три экспедиции по Монголии, Тибету и Северо-Западному Китаю. Он оказался самым удачливым из всех своих предшественников, ибо помимо заполнения белых пятен на географических картах и описания флоры и фауны пройденных им мест совершил два уникальных открытия, обессмертивших его имя. Он открыл цивилизацию погибшего от оружия монгольской орды тангутского государства Си Ся, упоминания о котором можно было найти только в китайских письменных источниках, и гуннские захоронения в Монголии.

Можно сказать, что со временем Козлов понял — самыми ценными в работе ученого должны стать археологические изыскания. И снова в русских научных изысканиях в Центральной Азии на одно из первых мест вышла археология. Она в должной степени не привлекала внимания ни Пржевальского, ни Роборовского. Географы и природоведы, они равнодушно проходили мимо таких уникальных памятников древней культуры, как

¹¹ Описание китайских рукописей Дуньхуанского фонда Института народов Азии. [Коллектив авторов] под ред. Л. Н. Меньшикова. — М., 1963. Вып. 1.; М., 1967. Вып. 2.

¹² Меньшиков Л. Н. К изучению материалов русской Туркестанской экспедиции 1914–1915 гг. // Петербургское востоковедение. — 1993. — № 4.

Дуньхуан, где позднее западные и русские ученые сделали одно из самых замечательных открытий. Козлов не прошел. И одно из самых выдающихся географических открытий принадлежит именно ему. По праву он записал в своем дневнике: «Хара-хото... С именем этого вечно сонного друга всегда-всегда будет связано моё имя. Может быть, этому угасшему городу суждено будет всегда озарять мое имя географа»¹³.

Осенью 1904 г. ИРГО поручило Козлову возглавить еще одну экспедицию — Монголо-Сычуаньскую. Она стала второй самостоятельной экспедицией Козлова и принесла ему немеркнущую славу. Экспедиция открыла цивилизацию пропавшего на политической карте Азии в начале XIII в. н. э. тангутского государства Си Ся.

Козлов шел к этому открытию давно, с тех пор как прочел о таинственных развалинах в книге Потанина. Долгое время, несмотря на многократные попытки, не удавалось добыть какой-либо положительной информации о путях, ведущих в Хара-Хото. В 1900 г. он посылал туда свой отряд под руководством А. Н. Казнакова, но безрезультатно. Не удалось ничего разузнать об этих развалинах и В. А. Обручеву в 1892 г. Монголы тщательно скрывали эту тайну. Причины были понятны. С одной стороны, это «чужая» культура, наверняка, ее охраняют местные божества и духи, которые могут причинить всяческий вред. Эти развалины наводили страх, лучше никому не показывать туда дорогу. С другой стороны, в народе жили легенды о том, что среди этих развалин спрятаны несметные богатства, золото, серебро и драгоценности, и многие кладоискатели пытались отыскать их. Их поиски пока не увенчались успехом, но зачем же делить этот клад с чужаками?

Наконец, в 1907 г. Козлов послал туда своего подопечного бурята Цокто Бадмажапова (1879–1937), который участвовал в его Монголо-Камской экспедиции в качестве переводчика с монгольского языка и хорошо себя зарекомендовал. Бадмажапов был смысленный и сообразительный человек, хорошо говорил и писал по-русски. По окончании Монголо-Камской экспедиции Козлов устроил его на работу в Кяхте в русский торговый дом «Собенников и братья Молчановы». Бадмажапову не раз приходилось сопровождать торговые караваны, и он хорошо изучил местные пути-дороги. Вскоре постоянным местом его жительства стал оазис Дин-юань-ин (в провинции Ганьсу). Однако Бадмажапову торговые операции казались скучными. Он стремился к большему и начал писать небольшие заметки и посылать их в Русское Географическое Общество. Занялся также сбором небольших коллекций и неоднократно просил Козлова устроить ему какое-либо поручение от Географического Общества, Академии наук или Главного штаба. Козлов видел, что имеет дело с человеком наблюдательным и способным к анализу. И он предложил Бадмажапову поискать Хара-Хото, снабдив его всеми сведениями, добытыми Потаниным и другими путешественниками.

Бадмажапов оказался тем счастливецом, который нашел дорогу в Хара-Хото в мае 1907 г. В письме к Козлову от 15 мая 1907 г. Бадмажапов написал: «Я во время своей поездки в Эдзин-гол сделал весьма интересное открытие, по крайней мере, я так думаю. Около песков между долинами Гойдза и Эдзин-гол наткнулся на развалины “Фара-Фото” или “Хара-дайшин”, где специально дневал, сделал снимки и кое-что записал. Здесь прилагаю четыре снимка развалин, которые покажите П. П. С<еменову> Т<ян-Шанско>му и сообщите ему, что думаю написать маленькую брошюрку о своей поездке к развалинам...»¹⁴

¹³ Архив Русского Географического Общества. Фонд 18. Оп. 1. Д. 158. Л. 576.

¹⁴ Цит. по: Андреев А. И. От Байкала до Священной Лхасы. — СПб.; Самара; Прага, 1997. — С. 67.

Официальное сообщение Бадмажапов послал также в Российское Географическое Общество и в Главный Штаб. А. И. Андреев опубликовал также фрагмент рукописи Цокто Бадмажапова, где тот подробно описал, что он увидел среди развалин и как он это оценил¹⁵. На основании впервые найденных им в архивах и опубликованных материалов А. И. Андреев высказал мнение, что заслугу открытия Хара-Хото нужно приписывать не Козлову, а Бадмажапову, приславшему письменное сообщение о своей находке почти на целый год раньше, чем достиг Хара-Хото Козлов¹⁶. Что можно сказать по этому поводу?

Во-первых, Козлов, который в это время сам собирался в экспедицию, мог просто не получить письма Бадмажапова. Если оно было послано последним 15 мая, то в Санкт-Петербург в лучшем случае оно могло прийти не раньше конца июня — начала июля (как правило, письма шли не менее двух месяцев). Однако утверждать, что письмо не было получено Козловым исключительно по вине почты, нельзя: он покинул Петербург только 18 октября. Возможно, письмо все же дошло, но в спешке и суете сборов Козлов просто не обратил на него должного внимания.

Во-вторых, если даже Козлов успел получить и прочитать эту депешу, это никак не повлияло на планы его экспедиции: он шел по первоначально разработанному маршруту и вышел к Хара-Хото с другой стороны — с севера.

И наконец, в-третьих, и до Бадмажапова в Хара-Хото побывало немало монголов, но никто из них, в том числе и Бадмажапов, не пытался проводить там раскопок. Все они воспринимали развалины как множество других таких же, не раз встречавшихся во время торговых поездок, и не осознавали важность того, что видели. Мы уже упоминали о том, что Бадмажапов и раньше пытался писать небольшие заметки о своих поездках. Козлов знал об этом, и именно поэтому мог не обратить внимания на его письмо.

Что касается кладоискателей из числа местных жителей, которые уже давно проложили туда дорогу, то они тщательно скрывали ее ото всех. Место было пустынное, дикое, пользовалось дурной репутацией, но местные монголы не утратили еще надежды действительно отыскать там клад серебра или золота. Конкуренты, да еще иноверцы, были им не нужны.

Вернемся к экспедиции Козлова. О ее задачах он пишет следующее: «Задача двухлетней Монголо-Сычуаньской экспедиции состояла, во-первых, в попутном исследовании Средней и Южной Монголии, во-вторых, в дополнительном изучении Кукунорской области, с озером Кукунором включительно, и, в-третьих, в достижении Северо-Западной Сычуани и сборах естественно-исторических коллекций этой интересной страны»¹⁷. В состав экспедиции, помимо Козлова, входили трое ученых: геолог А. А. Чернов, топограф П. Я. Напалков и собиратель коллекций С. С. Четыркин. Экспедицию сопровождал конвой численностью в десять человек. Среди них, между прочим, был и младший брат Цокто Бадмажапова — Гамбожап Бадмажапов.

Экспедиция выступила из Кяхты 28 декабря 1907 г. Зима была в разгаре и встретила путешественников морозами — -47 °С. К тому же сильные западные ветры несли в лицо снег, сбивали с ног. До Урги добрались с трудом, и только миновав ее и оставив там часть груза, вышли в южную Монголию и увидели солнце. Экспедиция

¹⁵ Там же. С. 87–91.

¹⁶ Там же. С. 61.

¹⁷ Козлов П. К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото.— М., 1923.— С. 21.

направилась в сторону реки Эдзин-гол. По южному склону Алтая добрались до южной окраины пустыни Гоби, и здесь 18 февраля 1908 г. экспедиция сделала десятидневную остановку около ставки монгольского князя Балдын-цзасака. Как водится, князю преподнесли подарки. Козлов умел устанавливать дружеские контакты с местным населением, и монголы отнеслись к экспедиции благосклонно. Не теряя времени, Козлов попросил у князя вьючных животных, юрты и проводников для поездки в низовье Эдзин-гола. За все хорошо заплатил, это монголам понравилось. Когда же князь узнал о маршруте Козлова, он стал его отговаривать. В Алашань есть другая дорога, более удобная, здесь же — пустыня, нет колодцев, нет пищи. Да и что там может интересовать путников? Очень удивил его ответ Козлова: экспедиция ищет развалины древнего города. Они знают об их существовании из рассказов других путешественников и писем (не письмо ли Цокто Бадмажапова имел здесь в виду Козлов?). Должна быть дорога к этим развалинам, по ней шел Марко Поло, оставивший описание цветущего города Эдзина на Великом Шелковом Пути. Так назывался город при Юаньской династии (1280–1368). Через него китайские товары шли с востока, а ближневосточные и средиземноморские — с запада. Город, по описанию Марко Поло, был расположен в северной части Тангутского государства. За его стенами начиналась пустыня. Жители занимались земледелием, держали домашних животных и верблюдов. Торговые караваны, следовавшие через город, запасались здесь продовольствием на две недели пути, ибо дальше на север не было ни воды, ни жилья.

Да, Балдын-цзасака слышал от своих подданных об этом городе. Монголы туда не ходят, только торгоуты. Они подбирают среди развалин золотые монеты, серебро, но копать боятся. Однажды они прорыли канаву вокруг большого субургана и вот-вот должна была показаться крыша захоронения, как из земли выскочили две змеи — одна красная, другая темно-серая. Торгоуты решили, что змеи — перерождения двух жен местного правителя, которых он убил при приближении врага. Вот теперь они и охраняют богатство правителя. Сильно напуганные торгоуты убежали, проклиная эти развалины, заколдованные, населенные злыми духами.

Легенду о двух женах местного правителя записал еще Потанин, услышав ее от другого старца. Согласно легенде, правитель Хара-Хото, Хара-цзяньцзюнь, славился своим сильным войском. Потанину рассказали, что рядом с городом сохранились развалины крепости, где размещался конный отряд. Китайцы напали на Хара-Хото, и отряд потерпел поражение. Местные жители и правитель укрылись за стенами города и приготовились к осаде. Но хитрые китайцы соорудили запруду на Эдзин-голе — эта река омывала город двумя рукавами, снабжая питьевой водой. Достаточно было устроить запруду перед развилкой, и оба рукава обмелели и пересохли. Тогда в городе начали рыть колодец, прорыли скважину очень глубоко, но до воды так и не дошли. Правитель решил, что такова его карма. Он спрятал в колодец все свои богатства, а затем умертвил двух своих жен и детей, чтобы враг не надругался над ними. Их тела тоже сбросили в колодец. На месте колодца насыпали большой холм. После этого правитель с остатками своего войска сделал пролом в северной стене, через него все защитники вышли навстречу врагу и погибли в бою. Китайцы ворвались в город, разрушили его, но богатств правителя так и не нашли.

Какие события породили эту легенду? К какому времени она относится? К монгольскому завоеванию Хара-Хото ордами Чингис-хана, где-то в 1227 г.? Известно, что именно оно стерло с лица земли не только тангутское государство Си Ся, но и тангутскую цивилизацию как таковую. Очевидно, что Хара-Хото избежал этой участи

и продолжал жить после монгольского вторжения еще до 1380 г. Об этом говорят письменные документы и рукописи, найденные в развалинах города Козловым во время его археологических раскопок. Даже тангутская письменность продолжала здесь использоваться, и к монгольскому периоду относится ксилографическое издание буддийского канона Трипитаки на тангутском языке. Были найдены и китайские, и тибетские рукописи и документы, датировка которых восходит к XIV в. Легенда же гласит о разгроме города не монголами, а китайцами. Скорее всего, оба события наложились в ней друг на друга: разгром города монголами, после которого город сумел оправиться, но этнический состав жителей явно изменился в пользу монголов и китайцев. Затем Эдзин-гол изменил свое русло, в результате чего в город перестала поступать вода. Произошло ли это в результате климатических изменений, или действительно русло реки было перегорожено сознательно в результате каких-то местных конфликтов, история умалчивает.

Козлов знал эти легенды и надеялся, что на месте ему удастся выяснить, как было на самом деле. Он не соглашался с уговорами Балдын-цзасака, и в конце концов князь не стал ему перечить. Он дал Козлову верблюдов и проводника и сам со своей свитой вышел проводить экспедицию до первого колодца. Так, в благоприятной обстановке, сопровождаемые пожеланиями удачи, 1 марта 1908 г. путники отправились на поиски Хара-Хото.

11 марта экспедиция достигла низовьев Эдзин-гола и разбила лагерь в урочище Торцо. Здесь Козлов также получил помощь от правителя торгоутов — бейле. Путешественники сгорали от нетерпения. Теперь стало ясно, что они на правильном пути. И вот они снова тронулись в путь 19 марта — 1 апреля по новому стилю. Шли в юго-юго-восточном направлении. На дороге стали попадаться черепки от глиняной посуды, каменные жернова, прочие предметы быта. Путники проходили мимо развалин ступ, видели остатки ирригационных каналов. Наконец справа от дороги показались развалины крепости Актын-Хото, именно здесь, по преданию, располагался кавалерийский отряд для защиты Хара-Хото. Прошли еще немного и увидели верхушки субурганов и остатки стен. Оба сухие русла Эдзин-гола, некогда снабжавшие город водой, были засыпаны песком и мусором. Никаких следов воды. Старая дорога утонула под песчаными барханами и тамариском. Эти песчаные холмы пришлось огибать, пока не вышли на твердую каменистую площадку, расположенную к западу от города. И, о чудо! Мертвый город предстал, наконец, перед жадным взором путников.

Караван вступил в город через западные ворота. Перед ним открылась прямоугольная площадь размером около 385×325 м, остатки построек, несколько ступ, фундаменты храмов и повсюду кучи мусора. Все, что осталось от цветущего центра забытой цивилизации.

Сохранившиеся развалины помогли установить, что город некогда был окружен стенами, ориентированными по сторонам света. Каждая из стен тянулась на версту. В западной и восточной стенах имелись ворота, защищенные г-образным выступом. От ворот начинались две главные улицы, которые шли параллельно и пересекали весь город с востока на запад и с запада на восток. Ворота не сохранились, но было видно, что они располагались не друг против друга, а одни смещались к северу, а другие к югу. Улица, по которой экспедиция вошла в город, была названа Козловым Главной. Другая же, начинавшаяся от восточных ворот, получила название Торговой. По ней некогда шли с востока торговые китайские караваны.

Стены имели толщину 6–8 м, в северо-западном углу к стенам примыкали субурганы. В северной стене действительно зияла брешь, пробитая, очевидно, во время осады. На каждой стене было по несколько бастioned. На стенах остались груды камней, приготовленные осажденными для защиты. Удивляло количество субурганов, и внутри города, и вдоль ведущих к нему дорог. По грудам песка, мусора и земли прослеживалась планировка города.

Экспедиция определила географические координаты города — 41°45'40" с. ш. и 101°5'14" в. д. Город располагался на плато, которое возвышалось над уровнем моря на 2854 фута.

Экспедиция разбила лагерь в центре города, у развалин большого глинобитного здания. Это здание заметил и Цокто Бадмажапов во время своего краткого посещения Хара-Хото, и предположил, что это, очевидно, остатки мечети. Все постройки были из обожженного кирпича и глины, крыши — плетеные из соломы.

Составили план города. Но твердого плана раскопок так и не было. Сказалось отсутствие у Козлова и членов его экспедиции археологического опыта. Это оказалось самым большим упущением организаторов экспедиции, результаты его стали причиной многих неразрешенных вопросов, связанных с судьбой города и его обитателей. Принялись копать то там, то здесь. Сразу же пошли находки, многие лежали просто на поверхности среди развалин. Все их сносили в общую кучу. Ни одну находку не привязали к месту, где она была обнаружена. Неизвестно, где эти вещи находились первоначально, в домах, в развалинах храмов, в субурганах? И в каких слоях? От этого зависела относительная датировка вещей: по ним можно было определить, в какое время они служили людям, в ранний ли период существования города, до разгрома монголами Чингис-хана, или после разгрома. Ведь город продолжал жить еще более ста лет. Особенно много ошибок было допущено во время второго этапа раскопок, после возвращения экспедиции из Алашаня.

Субурган в юго-восточном углу города условно был назван «Субурган А». Из него вынимали книги, рукописи, иконы, как будто только что написанные. Синие, красные краски, позолота — всё яркое, сверкающее. Находили также монеты, бумажные деньги, предметы буддийского культа, черепки фарфоровой и глиняной посуды, бусы, серьги и прочие украшения. Среди наиболее интересных находок в субургане А оказались иконы на холсте и на шелку в китайском стиле, глиняные головки бодхисаттв и позолоченная голова Будды с темно-синими волосами.

Из строения № 3 извлекли листы персидских рукописей и кожаный переплет, который специалисты в Санкт-Петербурге датировали XIII в.

Как уже упоминалось, все находки сносили в центральную палатку, где вскоре образовался настоящий музей. Так прошло три дня. Настало время — возвращаться. О Хара-Хото участники экспедиции уже говорили как о «своем» городе, с которым жалко прощаться. Козлов оставил в городе двоих своих спутников еще на два дня, а сам с образцами находок вернулся в ставку торгоут-бэйле. Больше всего его интересовал вопрос: чей это город? Торгоуты говорили, что китайский, основываясь на типе построек. Но Козлов не верил этому. Ведь рукописи, найденные в развалинах, в большинстве своем были написаны не по-китайски. О существовании тангутского письма в то время уже кое-что было известно. В Китае сохранился ряд надписей на монументах, выбитых на нескольких языках, в том числе, очевидно, и на тангутском. Но до расшифровки тангутской иероглифики было еще далеко. В развалинах оказались также тибетские рукописи и персидские.

Козлов сразу же засел за письма в Петербург. Прежде всего он написал письмо секретарю Географического Общества А. А. Достоевскому (28 марта 1908 г.). Были посланы также образцы рукописей и даже фрагмент живописи. Главные вопросы, которые задавал Козлов: чей это город? Чьи это рукописи? Что это за письмо? Козлов написал ряд восторженных писем, которые были посланы в Петербург, в Географическое общество через монгольскую почту.

Давнишняя мечта сбылась. Козлов, первый из европейцев после Марко Поло, ступил на эту землю. Пока еще он не вполне понимал смысл того, что он открыл, но чуть путешественника подсказывало, что находки его необыкновенные и много значат для науки.

Так и оказалось. Вещи и рукописи, отправленные в Петербург, произвели сенсацию. Первые результаты работы на Хара-Хото сразу же были опубликованы в «Известиях ИРГО».

Продолжая экспедицию, Козлов вышел из Хара-Хото через восточные ворота, по восточной дороге, и обнаружил, что она ведет к другому городу — Боро-Хото. Отсюда начинался путь в дикую пустыню Алашаня. 30 марта было решено следовать по этой дороге, держа курс на оазис Дын-юань-ин. Первую остановку сделали в Боро-Хото (он же Боро-цонджи). Через этот город шла древняя дорога на Гань-чжоу. По ней не пошли, но вступили в полосу песков. «Перед нами встала во всей своей трудной и малопривлекательной форме Алашаньская пустыня, простирающаяся на 560 верст к юго-востоку,— это своего рода сухой песчано-каменистый океан, изборожденный волнами гряд и холмов, напоминающих морские волны...» — так красочно описал Козлов этот мертвый уголок земли¹⁸.

Пройдя около 75 верст от Боро-Хото, экспедиция пересекла небольшой участок пустыни и увидела перед собой широкую долину Гойцзо, убегающую далеко на восток. Гойцзо — это котловина, расположенная на высоте 840 м над уровнем моря. Она богата водой и растительностью. Путники, более месяца не видавшие вдоволь воды, расположились лагерем в урочище Зуслэн, чтобы, наконец, помыться: «Пользуясь теплом, прекрасной водой и обилием дров, мы здесь устроили генеральную стрижку и такое же генеральное мытье и стирку белья. Вообще говоря, в путешествии очень трудно уберечься от грязи и пыли, в особенности зимой, а в безводных пустынях всегда. Тем не менее нам все же удавалось держать себя сравнительно опрятно, а летом, при наличии лучших условий и достатка воды, даже чисто», — писал Козлов¹⁹.

Географическое общество встретило Козлова с почетом. Ему выделили персональную пенсию, но от дальнейшего участия в экспедициях вежливо отстранили, хотя в свои 63 года он был еще полон сил и энергии, чтобы продолжать работу.

Перу Козлова принадлежат около 60 печатных работ — книг, статей, докладов и донесений. Лондонское, Венгерское и Нидерландское Географические Общества избрали Козлова своим почетным членом. Лондонское и Итальянское Географические Общества вручили ему золотые медали, а Парижская Академия присудила Козлову премию им. Чихачева. Почтило Козлова и Российское Географическое Общество, избрав его своим почетным членом и наградив медалью имени Пржевальского.

Козлов не любил большие города. Большую часть своей жизни он провел в горах и пустынях Центральной Азии, где только и мог чувствовать себя по-настоящему счаст-

¹⁸ Там же. С. 88.

¹⁹ Там же. С. 93.

ливым. Его и раньше угнетали красоты цивилизации, а в советские годы Ленинград окончательно утратил для него свою привлекательность из-за неустроенности быта и непривычного уклада жизни. Последние годы жизни он провел в деревне Стречно, в 50 км от Старой Руссы, в Новгородской области.

Петербургские ученые хранят память о П. К. Козлове. В его бывшей квартире, выходящей окнами в сад, через который просматривается знаменитый Смольный собор, вот уже несколько лет открыт Мемориальный Музей. Музей проводит серьезную научную работу, издавая и переиздавая работы русских ученых прошлых лет и своих современников, посвященные изучению Центральной Азии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А. И. От Байкала до Священной Лхасы.— СПб.; Самара; Прага, 1997.
2. Архив Русского Географического Общества. Ф. 18. Оп. 1. Д. 158. Л. 576.
3. Козлов П. К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото.— М., 1923.
4. Меньшиков Л. Н. К изучению материалов русской Туркестанской экспедиции 1914–1915 гг. // Петербургское востоковедение.— 1993.— № 4.
5. Ольденбург С. Ф. Кашгарская рукопись Н. Ф. Петровского // ЗВОРАО.— Т. VII.— 1982.
6. Ольденбург С. Ф. Памяти Самуила Мартыновича Дудина // Сборник Музея антропологии и этнографии.— Т. IX.— 1930.— С. 341–358.
7. Ольденбург С. Ф. Искусство в пустыне // 30 дней.— 1925.— № 1.
8. Ольденбург С. Ф. Пещеры тысячи будд // Восток.— 1922.— № 1.
9. Ольденбург С. Ф. Русские археологические исследования в Восточном Туркестане // Казанский музейный вестник.— 1921.— № 1–2.
10. Описание китайских рукописей Дуньхуанского фонда Института народов Азии / [Коллектив авторов] под ред. Л. Н. Меньшикова.— Вып. 1.— М., 1963; Вып. 2.— М., 1967.
11. Санкт-Петербургский Филиал Архива РАН. Ф. 208. Оп. I. № 188.
12. Скачков П. Е. Русская Туркестанская экспедиция 1914–1915 гг. // Петербургское востоковедение.— 1993.— № 4.
13. Щербатской Ф. И. Ольденбург как индианист // Ученые записки Института востоковедения АН СССР.— М.; Л., 1935.
14. Bailey H. W. A half-century of Irano-Indian Studies // JRAS.— 1972.— № 2.
15. Hoernle K. The Weber Manuscripts // JRASB.— 1893.— Vol. 62, pt. 1.
16. Leumann E. Über eine von den urbekanntesten Literatursprachen Mittelasiens // M. de l'Acad. Imp. des Sciences de St.-Pb.,— 1900. Sfr. 8.— Т. IV.— № 8.